

РОЖЕ ВАДИМ, ЛОВЕЦ "ЗВЕЗД"

БРИЖИТ БАРДО

Когда я впервые встретил Брижит, меня поразило в ней то, что в балете называется "статью". Тоненькая талия. Царственная посадка головы. Манера смотреть. Многие люди смотрят, но не умеют видеть. Мы условились, что я буду репетировать с ней (Марк Аллегре намеревался тогда снять фильм по сценарию Роже Вадима "Обрезанные лавры". - А. Б.) в те дни, когда она не ходила в танцкласс на студию Уолкера.

Ее мать мадам Тоти Бардо хотя и жалела о данном согласии, но умела держать слово. Оставалось убедить ее мужа, которого близкие называли Пилу. Он был на 15 лет старше жены и вполне мог сойти за директора психиатрической клиники, отставного полковника или изобретателя противогрибковой маски. На самом же деле он был президентом - генеральным директором завода по изготовлению жидкого воздуха.

Узнав, что его дочь собирается делать пробы для кино, он сказал: "В нашей семье нет места для фигляров". И добавил: "Только через мой труп". На что Брижит заметила: "Это вы, папа, устраиваете кино". Тоти сказала, что дает согласие. Перед господином Бардо возникла дилемма - сделать жену клятвенноотступницей или согласиться с бесчестием дочери? Он выбрал второе, полагая, что одна проба ни к чему не обязывает, и снял свое veto.

Я еще не был тогда известен, не был режиссером. Но статут сценариста и ассистента Марка Аллегре не мог не произвести впечатление на 15-летнюю девушку.

За всю мою карьеру я никогда не завязывал романов на съемках своих фильмов. Я взял за правило не спать со своими актрисами (если только, как не раз бывало, не жил уже с ними прежде).

Встречи с Брижит в киноавильоне на авеню Ваграм проходили под дружный смех в флере трудно сдерживаемой нежности...

Приближился день пробы. Бри-

жит выказала полное самообладание. У нее не было никакого опыта, но создавалось впечатление, что она всегда стояла перед камерой. Я гордился своей ученицей. Марк был в восторге.

Было поздно, когда я отвез ее в такси домой. Она держала меня за руку. Мы не знали еще, каков будет приговор продюсера, не знали, доведется ли нам встречаться впредь. Перед тем как выйти из машины, Брижит быстро (впервые) поцеловала меня в губы.

Я не забыл ее... Однажды в субботу, выходя из кинотеатра, я соображал, на что потратить последние франки - на билет в метро или на жетон для телефонного разговора. Решил позвонить Брижит. Не могу объяснить, почему я это решил тогда, а не раньше. Просто действовал по интуиции, возникла потребность это сделать.

Вопреки ожиданиям, она сама подошла к телефону. По голосу я понял, что мой звонок доставил ей огромное удовольствие. "Сейчас же приходи", - сказала она, - у меня школьный приятель и бабушка. Она оставлена дуэньей до понедельника". Я поздравил себя с тем, что так мудро использовал деньги, и пешком отправился с Итальянского бульвара на улицу Помп.

Я был на пять лет старше Брижит и ее приятеля, но чувствовал себя совершенно равнодушным к их проблемам. Меня отделяла от этих подростков целая эпоха. Они ведь не знали по-настоящему, что такое война, живя под крылом родителей.

После ухода ее приятеля, мы заговорили о более личных вещах, но нам мешали постоянные вторжения "бабули", которая очень серьезно относилась к своей роли дуэньи. В полвосьмого она дала понять, что мне пора уходить. Я заметил знак, который она подала внучке, и они вышли в соседнюю комнату. Прощаясь на площадке, Брижит кусала губы, чтобы не расхохотаться. "Бабуля просила проверить твои карманы. Она боится, что ты мог стащить серебряные ложечки..." Я обнял ее и мы поцеловались. Этот долгий поцелуй прервали шаги бабули за дверью...

Несмотря на то, что растущая привязанность ко мне дочери вызвала у Пилу и Тоти некоторое беспокойство, они хорошо относились ко мне... Но это произошло, разумеется, не сразу.

Поначалу мои официальные визиты на улицу Помп были еженедельными. Спустя месяц я получил право повести Брижит в кино на

От одной звезды к другой". Так называется книга мемуаров известного французского кинорежиссера Роже Вадима (урожденного Племянникова), в которой он рассказывает о женщинах в его жизни (в их было немало), но особенно подробно останавливается на воспоминаниях о Брижит Бардо, Катрин Денев и Джейн Фонда. При всей его откровенности, автору не изменяют вкус, такт и искренняя, влюбленная почтительность к прекрасным актрисам и очаровательным женщинам.

Мы воспроизводим несколько фрагментов из этих воспоминаний.

На этом снимке 55 лет.

20-часовой сеанс. Но тем временем мы уже разработали систему тайных свиданий. Нашей штабной квартирой стала однокомнатная квартирка моего друга Кристиана Маркана на третьем этаже дома 15 по улице Боссано. Ее обстановка состояла из большой постели, стула и маленького стола. Разговаривая, мы ложились на постель или на пол.

Впервые Брижит пришла сюда на свидание в 3 часа дня.

- Мне следовало быть на уроке алгебры, - сказала она. - Но я выбрала свободу.

Она прижалась ко мне и протянула губы. Меня ужасно волновали в ней какая-то необыкновенная смесь невинности и женственности, бесстыдства и застенчивости.

Когда опущенное нам время истекло, Брижит спросила:

- Я стала теперь настоящей женщиной?

- Не совсем, - ответил я. - На 25 процентов.

Она посмотрела на меня с полуулыбкой Джоконды, мечтающей об оставшихся 75-ти. Я научил ее подделывать подпись матери в дневнике с объяснением об отсутствии на алгебре и проводил до автобуса.

После второго свидания на улице Боссано Брижит спросила опять:

- А теперь я стала женщиной?

- На 55 процентов, - ответил я.

После третьего я мог ей сказать:

- А теперь на сто процентов.

Брижит захопала в ладоши и подбежала к открытому окну.

- Я настоящая женщина! - кричала она, обращаясь к прохожим на улице, которые с удивлением

поднимали головы. Дело в том, что Брижит забыла об одной детали: она была совершенно нагая.

Господин Бардо по-прежнему не сомневался в характере моих отношений с его дочерью, но стал нервничать. Когда мы шли в кино, нам навязывали в спутницы младшую дочь Межану. Однажды она рассказала, что я поцеловал ее сестру в метро. Пилу вызвал меня в свой кабинет. Он был очень бледен.

- Я жду, - сказал он.

- Чего? - спросил я, чтобы выиграть время.

- Объяснений по поводу поцелуя в метро.

Я заметил на его настольном календаре число - 1 июня.

- Мы решили отметить начало лета, - соврал я.

Он подумал секунду.

- Обычно целуются, поздравляя с новым годом, 31 декабря.

- Я решил учредить новый обычай, - заметил я.

Он не смог удержаться от улыбки и покачал головой. Но на две недели мы были отлучены от кино...

Когда я вернулся из Ниццы, где работал над сценарием, Брижит мне заявила, что не согласна ждать еще 18 месяцев, чтобы иметь право жить со мной. Она вычитала, что в Шотландии можно жениться без согласия родителей, не достигнув совершеннолетия. Мне стоило больших трудов убедить ее, что такой брак все равно не был бы признан французским законом. Мне отнюдь не улыбалось оказаться за решеткой по обвинению в соращении малолетней. Брижит испугалась перспектива увидеть своего любовника в тюрьме. И она согласилась ждать два года.

Однажды утром она позвонила мне на Орлеанскую набережную. По ее голосу я понял: что-то случилось.

Через полчаса мы встретились возле метро на площади Сен-Мишель. Брижит была бледна и сразу

бросилась мне в объятия.

- У тебя есть револьвер? - спросила она.

- Тебе известно, что нет. А что?

Через пять минут мне стало ясно, что произошло. Отец позвал ее к себе в кабинет, открыл ящик стола и сказал:

- Видишь, что это такое?

- Ну, как что? Пушка, - ответила сбита с толку Брижит.

- Не говори "пушка". Это револьвер, - уточнил Пилу. - Взгляни на него как следует. Если я когда-нибудь узнаю, что ты была любовницей Вадима, я убью его, не раздумывая.

Брижит бросилась к матери:

- Мапочка, с Пилу случился солнечный удар!

- Не думаю, - ответила Тоти. - Уже целую неделю идет дождь.

- Тогда его надо запереть...

И Брижит рассказала сцену в кабинете.

- Я полностью одобряю твоего отца, - спокойно заметила Тоти. - Если тебе взбредет в голову спать с Роже до свадьбы, а Пилу изменит свое решение, я сама убью Вадима.

- Вы шутите?

- Я абсолютно серьезна.

Я был убежден, что ни Пилу, ни Тоти не станут позорить дочь скандалом. Они просто пугали ее, не зная, что уже поздно это делать.

Мы шли вдоль набережных. Мои аргументы не успокоили Брижит.

- Насчет мамы ты, возможно, прав, но я знаю Пилу. Он способен на все.

- Если я заведу револьвер, - ответил я Брижит, - а твой отец явится ко мне с оружием, я все равно не смогу выстрелить в него.

- Я предпочитаю быть сиротой, а не вдовой.

- Ты не станешь вдовой, ты ведь

не замужем.

- Не играй словами, - занервничала Брижит. - Замужем или нет, я все равно буду вдовой.

У меня остался последний аргумент.

- А что ты скажешь нашим детям, когда они подрастут? Что их папа убил дедушку?

- Я не хочу иметь детей.

... Я добыл у одного приятеля американский армейский кольт. Но не успел зарядить его: Брижит внезапно перестала интересоваться револьвером.

Брижит так ждала, так надеялась на наш брак, что он стал для меня чем-то абстрактным. Этот брак означал не начало новой жизни, а конец страхам, нервозности.

Мне случилось иногда оставаться на ночь на улице Помп, где мне стелили на диване в столовой.

Однажды утром, еще не совсем проснувшись, я ощупью шел в ванную, когда услышал голос Брижит. Она обсуждала с матерью цвет занавесок в нашей будущей квартире.

Только тут я осознал, что был чужим, инородным плодом на ветвях семейного дерева. Я не принадлежал к этой расе.

В ванной я стал чистить зубы, когда туда явилась Брижит. Она прижалась ко мне и поцеловала в губы, которые были в зубной пасте.

- О, Вадим! Осталась неделя! Я так счастлива.

Четыре года спустя, когда мы решили развестись, адвокат Брижит спросил ее, какие у нее ко мне претензии.

- Никаких, - ответила Брижит.

- Но раз вы разводитесь - значит, чем-то не удовлетворены, - настаивал адвокат.

- Ничуть. Мы часто ссорились, но как по его, так и по моей вине.

- Но, мадам, я должен представить судье убедительные доводы. Постарайтесь вспомнить что-нибудь.

- О, да, - сказала Брижит. - Есть одна вещь. Я всегда буду упрекать его за это.

- Вот и отлично! Расскажите...

- Речь идет о двери. Однажды он выломал мою дверь. А я как раз ее заново выкрасила.

В свою очередь я тоже ничего не могу припомнить. Она любила меня. Была верна. Так мне, по крайней мере, казалось. Кстати, если бы я узнал, что во время очередной поездки на съемки она мне изменила, я бы немного поперевоживал, но наверняка не стал бы кричать об измене. Мы любили развлекаться, смеяться. Разумеется, мы ссорились, как ужасные любовники, но все это выглядело пенной на волнах, а не бурей.

Это был шум, вызванный столкновением двух сильных личностей, но которые не уничтожают друг друга. Напротив, мы очень многое дали друг другу.

Как все дети, Брижит слишком многого требовала от тех, кого любила. Если временами ей не хватало внимания, ее охватывал страх. "Я несчастна, мне страшно" - такие слова звучали часто. Моя работа требовала частых отлучек. И это что-то разрушало в ней. Мое присутствие было ей необходимо, как воздух. Днем и ночью, в Париже или на съемках, в провинции или за границей, она звала меня на помощь, и я был вынужден бежать к ней, бросив подчас очень важную работу. Но когда я приезжал, она уже забывала о ночных кошмарах. В этом смысле она была очень эгоистичной натурой. Долгими часами между заходом солнца и рассветом мне приходилось ее заклинять, успокаивать. "Мне страшно, Вадим. Ты будешь всегда любить меня?"

Я многое прощал ей, как стал потом прощать капризы своим детям. Но ребенок растет и приспосабливается к своему новому состоянию. Говорят, он становится разумным существом. А вот Брижит не росла. Напротив, чем больше успех привлекал к ней внимание людей, тем большего преклонения она требовала к своей персоне. Не то, что она хотела всеми командовать, за всех решать, как поступают некоторые властные женщины. Это была куда более тонкая форма тирании, неутолимая жажда любви со стороны другого. Зеркало, напуганное пустотой.

Перевод с французского А. БРАГИНСКОГО.

(Продолжение следует.)